

**Пушкин в оценках К. С. Аксакова
(к вопросу о динамике эстетических взглядов
славянофилов)***

Д. А. КУНИЛЬСКИЙ

(ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

В статье прослежена динамика восприятия пушкинского творчества в работах К. С. Аксакова. Подчеркивается резкое различие в эстетических взглядах Аксакова в юности и в славянофильский период. Обращается внимание на парадоксальные оценки роли Пушкина в русской литературе, содержащиеся в черновых набросках 1852 г., не опубликованных при жизни Аксакова. Привлекаются малоизвестные архивные материалы.

Ключевые слова: творчество Пушкина, славянофильство, «подражательный период» русской литературы.

**K. S. Aksakov's Appraisals of Pushkin
(To the Question of Dynamics of Slavophiles' Aesthetic Views)**

D. A. KUNILSKIY

(PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY)

The article traces the dynamics of appraisal of Pushkin's creativity in K. S. Aksakov's works. It emphasizes a well-marked difference between Aksakov's aesthetic views in his youth and in his Slavophile period. Much attention is paid to paradoxical estimations of Pushkin's role in the Russian literature, which can be found in Aksakov's drafts of 1852, not published in his lifetime. Little-known archival documents are used.

Keywords: Pushkin's creativity, Slavophilism, «the imitative period» of the Russian literature.

Связь между Аксаковыми и Пушкиным настолько очевидна, как, например, между Аксаковыми и Гоголем. Из всей большой семьи Аксаковых Пушкина знал, вероятно, только Сергей Тимофеевич, да и тот не был особенно близок к литераторам так называемого «пушкинского» круга. Его сыновья, Константин и Иван, тем более формировались в другое время, когда начало складываться критическое отношение к Пушкину. Но эти факты составляют лишь верхний пласт, под которым скрываются другие, образующие определенную систему развития русской культуры.

В настоящей работе предпринята попытка в общих чертах определить отношение К. С. Аксакова к творчеству и личности Пушкина. При этом основное внимание сосредоточено на критических статьях славянофиль-

ского автора, не опубликованных при его жизни, но предельно важных для понимания литературной доктрины «московской партии». Характерно, что у К. Аксакова нет специальной статьи, посвященной Пушкину. О его отношении к великому поэту мы можем судить по некоторым высказываниям в работах разного времени.

Можно говорить об определенной динамике восприятия пушкинского творчества в статьях К. Аксакова. Его детство совпало со временем наибольшей популярности поэта. Общий энтузиазм не прошел мимо Аксаковых и особенно увлек Сергея Тимофеевича и маленького Константина. Как вспоминал И. С. Аксаков, «Сергей Тимофеевич, будучи человеком экспансивным, невольно приобщил своего малютку сына своим литературным интересам» (Аксаков, 1881: 18).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 09-04-95583 М/Мл).

** Кунильский Дмитрий Андреевич — аспирант кафедры русской литературы филологического факультета Петрозаводского государственного университета. Тел.: (814-2) 71-10-54. Эл. адрес: dkunilsky@mail.ru

В Надеждино, где жили тогда Аксаковы, «Евгений Онегин» присылался тетрадами. Все это читалось вслух, громко, с каким-то увлечением» (Аксаков, 1881: 18). Интерес к произведениям Пушкина не ослабевал у К. Аксакова и в дальнейшем.

Об этом свидетельствует его дневник, датированный ноябрем 1834 — 3 сентября 1836 г. (хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства). Дневник открывается эпиграфом — известной строкой из пушкинской «Элегии»: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...». К. Аксаков цитирует фрагменты из «Евгения Онегина» (не всегда точно, явно по памяти), стихотворений «Дар напрасный, дар случайный...», «Под небом голубым страны своей родной...» (Аксаков, 1834–1836: 2). Поэзия Пушкина в то время для него — это органичное соединение художественности и идеи. Примечательна одна пространная запись, передающая впечатления К. Аксакова от вчерашней лекции С. П. Шевырева, во время которой профессор читал свои переводы стихов Петрарки. Слушая канцоны Петрарки, Аксаков задумался, почему он «не увлекся этим поэтом, которого беспрестанно поет Италия» (Аксаков, 1834–1836: 25), и пришел к следующему выводу: «Стих должен иметь двоякое достоинство: мысли и звука; с первого взгляда он должен только выражать значение своим мысль, одушевляющую поэта; но он тогда лишь совершенен, когда и музыкой своей он выражает ту же мысль. Вот почему непереводимы некоторые стихи» (Аксаков, 1834–1836: 25). Последняя фраза, по Аксакову, применима к творчеству итальянского поэта, «писавшего более музыку, чем стихи» (там же). Иначе обстоит дело с немецкой поэзией, где «явно господствует мысль, попирая всякую гармонию» (Аксаков, 1834–1836: 26). И то и другое, как считает Аксаков, «крайности», и в качестве образцовых приводит строки из первой главы «Евгения Онегина»: «<...> Вот, по-моему, стихи, в которых соединено значение слов с гармонией слов, вот стихи совершенные, в которых мысль выражена и звуком, и смыслом:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

И как тогда совершенен стих, какое глубокое наслаждение оставляет он!» (там же).

Так думал К. Аксаков в 1835 г., в период активного участия в кружке Станкевича. Годом раньше Белинский, главный выразитель литературных мнений кружка, во всеуслышание объявил, что Пушкин «кончился», «а вместе с ним и его влияние» (Белинский, 1976: 97). Очевидно, это обстоятельство не особенно волновало Аксакова, всегда умевшего мыслить самостоятельно. Важно добавить, что в дневнике отразились переживания юноши, связанные с его увлечением двоюродной сестрой Машенькой Карташевской. Пушкинская поэзия в тот момент соответствовала романтическому настроению Аксакова, помогла ему яснее передать свои чувства. Позднее, в славянофильский период, его предпочтения полностью изменятся в пользу историософской лирики Хомякова, поэта, в стихах которого, как отмечал сам К. Аксаков, превалировала именно мысль.

В конце 1830-х — начале 1840-х годов имя Пушкина часто встречается в сочинениях К. Аксакова. По наблюдениям Е. И. Анненковой, Пушкин — наиболее цитируемый в письмах Аксакова к М. Г. Карташевской поэт наряду с Шиллером и Жуковским (Анненкова, 1998: 50, 107). В литературно-критических и эстетических работах Аксаков также вспоминает Пушкина, высоко оценивая его роль в развитии русской словесности. Статья «О некоторых современных собственно литературных вопросах» (1838–1839, при жизни автора не была опубликована) содержит следующую характеристику: «Явился Пушкин, великий поэт народный; все было увлечено им, всякая строка его, повторяясь, доходила до отдаленнейших стран необъятной России...» (Аксаков К., 1995: 48). Это примечательное по своей позитивности высказывание, подобного которому в последующих работах уже не встретишь. В магистерской диссертации «Ломоносов в истории рус-

ской литературы и русского языка» (1846) К. Аксаков несколько раз упоминает имя Пушкина в сравнении с Ломоносовым. В то время как Белинский писал, что Ломоносов скорее оратор, чем поэт, а Пушкина характеризовал как поэта по преимуществу (Белинский, 1981: 90), К. Аксаков ставит Пушкина в один ряд с Ломоносовым, считая его равновеликим предшественнику («у Пушкина, имевшего и стих Ломоносова, было великое поэтическое содержание») (Аксаков, 1982: 81). Сопоставление Пушкина с Ломоносовым находим и во «Взгляде на русскую литературу с Петра Первого» (статья не печаталась при жизни автора, датируется предположительно 1847 г.): «Почему бы то ни было, Ломоносов не коснулся русской истории в своих трагедиях, в которых есть такие чудные стихи, с которыми можно сравнить только стихи Пушкина...» (Аксаков, 1995: 165). В этой статье Аксаков очень высоко оценивает деятельность Ломоносова — ученого и поэта, наделяя ее множеством восторженных эпитетов. Но не все так просто — славянофильский критик отмечает принадлежность столь любимого и уважаемого им Ломоносова к отвлеченному периоду русской литературы: «Ломоносов был в отвлеченной сфере и уже отвлеченным по этому самому; он даже <...> был заражен отвлеченностью своей эпохи и платил ей дань» (Аксаков, 1995: 163). Отвлеченность и подражательность, по Аксакову, сопутствует русской литературе «с Кантемира до Гоголя», причем Гоголь уже выходит за рамки этой эпохи, а Пушкин, как следует из аксаковской классификации, так и остался в отвлеченном периоде.

Об отношении К. Аксакова к Пушкину — и снова косвенно — свидетельствуют неопубликованные при жизни автора «Письма о современной литературе» («Письмо I-ое», 1849–1850 гг.). «<...> Вспомним, — предлагает Аксаков, — постоянно раздававшийся хор поэтов: Пушкина, Баратынского, Языкова, Хомякова, тогда еще, как и все, писавшего стихи, но содержанием их постоянно далеко опережавшего это стихотворное время» (Аксаков К., 1995: 188). Имя Пушкина воз-

главляет список поэтов, но преимущество в плане содержания, по мнению критика, однозначно — за Хомяковым. «Один Хомяков (сама справедливость требует этого сказать) понимал ложность Западной дороги, которою шли мы, понимал самостоятельность нравственной задачи для Русской земли <...>. Но он был один, и никто тогда не понимал его», — пишет К. Аксаков (Аксаков, 1995: 189). И далее: «Но никто не понимал тогда Хомякова, все благоговели пред Западом...» (Аксаков, 1995: 190). Читая славянофильского автора, можно подумать, что и Пушкин благоговел перед Западом — обстоятельство, опровергаемое даже прозападно настроенными современниками, какими в одно время были, к примеру, П. А. Вяземский и А. И. Тургенев. Аксаков почему-то ничего не говорит о таких стихотворениях Пушкина, как «В начале жизни школу помню я», «Клеветникам России» или «Бородинская годовщина». Трудно поверить, что он, всегда очень остро воспринимавший движение литературы, обошел их вниманием. Очевидно, партийные интересы и предпочтения оказались в этом случае решающими.

В том же «Письме I-ом» К. Аксаков находит в творчестве Пушкина какие-то недостатки. Касаясь былых выпадов Н. И. Надеждина в адрес Пушкина, Аксаков замечает: «Критики Надеждина, придирчивые, грубые, но умно написанные и отчасти справедливые в том только отношении, что в Пушкине были свои, и общие всем нашим литераторам, недостатки...» (Аксаков, 1995: 191–192). Интересно, что здесь К. Аксаков почти буквально повторяет слова отца, содержащие оценку Надеждина, «в грубых критиках которого всегда было много и дельного» (позднейшее авторское примечание в статье С. Т. Аксакова «Письмо к издателю “Московского вестника”») (Аксаков, 1956: 517).

В уже цитированных «Письмах о современной литературе» К. Аксаков говорит об окончании «стихотворного периода», столь богатого на авторские таланты, но имевшего два существенных, по его мнению, недостатка — все те же отвлеченность и подража-

тельность. Суммируя высказывания Аксакова из разных его работ, можно точно определить временные рамки этого «стихотворного периода»: начинателем его стал Кантемир, а «последним русским поэтом отвлеченной подражательной эпохи» выпало быть Лермонтову (Аксаков, 1995: 329). Какое же значение в «стихотворном периоде» и вообще в истории русской литературы имел Пушкин? Вот приговор Аксакова, прозвучавший в неоконченной статье «О современном стихотворстве в нашей литературе»: «Державин и, наконец, Пушкин сделали все, что может только сделать великий талант в отвлеченной от народа сфере. Личного подвига много, много поэтической красоты в их отвлеченных произведениях и много высказалось таланта, но справедливость требует сказать, что при всем своем поэтическом достоинстве они ничего не сказали, т. е. ничего такого, что бы осталось навсегда исполненным неувядающей красоты; ничего *aere perennius*. Стихи их сладки для нас оттого, что мы в той же отвлеченной сфере, оттого, что они нам современны; но какая неугасимая мысль высказалась в них? Ее нет, да и быть не может: эту силу дает только народная самобытность» (Аксаков, 1981: 133). Казалось бы, все ясно: Пушкин хотя и «великий талант», однако ничего важного он, в общем-то, не сказал. При этом К. Аксаков вовсе не стремится извинить или противопоставить себя «отвлеченной сфере» и готов нести ответственность за состояние отечественной литературы. Но возникает проблема — работа «О современном стихотворстве в нашей литературе», датированная началом 1852 г., не была опубликована и рассматривается как наброски к позднему «Обзору современной литературы». При всех оговорках («мы в той же отвлеченной сфере») что-то удержало К. Аксакова от включения резких слов в окончательный текст.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Юный К. С. Аксаков был увлеченным читателем поэзии Пушкина, которую считал идеальным сочетанием «мысли и звука». В дневнике и письмах Аксакова часто цити-

руются пушкинские произведения. В славянофильский период Аксаков меняет свое отношение к Пушкину, гораздо ближе ему становятся поэтические манифесты Хомякова. Более того, в глазах К. Аксакова Пушкин — поэт, принадлежавший «отвлеченной, подражательной эпохе» русской литературы.

Приведенные отзывы К. Аксакова о Пушкине представляют особую важность. Именно Аксаков в 1840–1850-х годах считался основным литературным критиком в ряду славянофилов, его статьи мгновенно становились предметом напряженных обсуждений в интеллектуальных кругах. Очень показательным в этой связи выглядит отсутствие у Аксакова работы, специально посвященной Пушкину. Неоднозначные отзывы, разбросанные по разным сочинениям славянофильского автора, как опубликованным, так и не увидевшим свет при его жизни, конечно, не могут рассматриваться как полновзвучное слово славянофилов в полемике вокруг пушкинского наследия. Однако и молчание бывает красноречивым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков, И. С. (1888) Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 1. М. : Типография М. Г. Волчанинова.
- Аксаков, К. С., Аксаков, И. С. (1982) Литературная критика. М. : Современник.
- Аксаков, К. С. (1834–1836) Дневник (1834–1836) // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 83.
- Аксаков, К. С. (1981) О современном стихотворстве в нашей литературе (публикация В. А. Кошелева) // Русская литература. № 3. Л. : Наука.
- Аксаков, К. С. (1995) Эстетика и литературная критика. М. : Искусство.
- Аксаков, С. Т. (1956) Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М. : ГИХЛ.
- Анненкова, Е. И. (1998) Аксаковы. СПб. : Наука.
- Белинский, В. Г. (1976) Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит. Т. 1.
- Белинский, В. Г. (1981) Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит. Т. 6.